

— Господин полицейский, господин полицейский, ну пожалуйста... Отпустите его!

Я чуть не плакала. Хотя нет, на самом деле уже плакала — в третий или четвертый раз. Но суровое сердце стража порядка так и не дрогнуло.

— Он правда ни в чем, ни в чем не виноват! Ну совсем ни в чем, честное слово!

— Ни в чем? А терроризм не хотите ли? Явиться на общественное мероприятие с муляжом пистолета — это, знаете...

Было видно, что наша беседа тяготит усталого полицейского. Впрочем, в этой обстановке все должно тяготить. Грязно-серые стены, безжизненные лампы дневного света, духота — такая, что несчастному вентилятору с нею никак не справиться, хоть он и гудит на пределе своих возможностей...

— Но пистолет же не настоящий, — пыталась я оправдать «террориста», — игрушечный, обычный водяной пистолет...

Ну почему они тут не понимают самых простых вещей!

— Если его достать и помахать, кто будет там разбираться, настоящий он или нет? Паника, толчея, человеческие жертвы... Идите-идите, девушка, не мешайте работать!

Час от часу не легче! Ну почему они тут не понимают элементарных вещей!

— Какие человеческие жертвы? Да и не мог он его достать, он вообще не знал, что этот пистолет у него был. Это я его подложила.

— Так-так... А вот это уже интереснее! Может быть, и вы у нас как соучастница пойдете, — нахмурился дядечка в форме, и его усы, похожие на двух мохнатых гусениц, недовольно встопорщились.

Э, нет! Я же вовсе не это имела в виду!

— Да какая соучастница, откуда соучастница? И никакой это не муляж, а обычная игрушка. В «Детском мире» покупали. Это брата моего, Ваньки, — сказала я и осеклась. А ну как еще и его соучастником сделают. — Пожалуйста, я вас умоляю, Вячеслав Павлович ни в чем не виноват, отпустите же его!

Дядечка покопался в бумагах:

— Как же ни в чем? Вот у нас еще написано: «При задержанном найден белый порошок, упакованный в полиэтиленовые пакеты. Общая масса — двадцать два грамма». Так что пока экспертиза: что там за пакеты, что за порошок...

Я схватилась за голову. От ужаса слезы моментально высохли.

— Да это мука обыкновенная!

— А вам откуда знать?

— Но это же я... Я ее в пакеты рассыпала и в портфель ему подложила.

Теперь он смотрел на меня так, будто подозревал во всех преступлениях, которые совершались на его участке в этом году.

— И зачем же вы все это сделали?

— Чтобы разыграть... Но мы у себя в офисе разыграть хотели... И предположить не могли, что охранника унесет пить чай именно в тот момент, когда Вячеслав Павлович пойдет на эту дурацкую выставку, — я вздохнула, — встречаться с потенциальными партнерами. Хотя, наверное, о партнерах уже можно забыть... Они видели, как его в наручниках из здания выводят.

В очередной раз озвучив, причиной каких неприятностей стала, я снова разревелась.

— А ты ему вообще-то кто?

— Никто. Секретарь. Похоже, уже бывший.

Полицейский задумчиво пожевал своих гусениц под носом, и у меня в сердце затеплилась надежда.

Пауза слегка затягивалась, и тут в мою измученную переживаниями голову пришла гениальная мысль. Я раскрыла сумочку и судорожно стала в ней копать. Как раз сегодня получила аванс. Не бог весть какая сумма, но все-таки! Судя по тому, как этот дядечка выглядит, ему и она не помешает. Одной рукой я вцепилась в деньги, не вытаскивая их из сумки, а другой рукой — в саму сумку.

— Может быть, я дам вам взятку?

— Что-о-о? — поперхнулся полицейский. Его глаза стали круглыми-круглыми, а брови полезли на лоб.

— Ну, взятку, деньги, понимаете?

— Понимаю, — нахмурился он. — Знаешь, какая это статья?

Ох ты ж черт... Кажется, еще хуже сделала. Я замотала головой: откуда мне знать статьи, — а он сказал:

— Ничего страшного, что не знаешь. Незнание закона не освобождает...

Понятия не имею, откуда еще в моем организме оставалась жидкость для слез, но они снова потекли по щекам.

— Тогда сажайте меня, — сказала я, протянув ему обе руки уже без денег, запястьями вперед. — Это же я во всем виновата. А его, пожалуйста, выпустите.

Что-то похожее на жалость промелькнуло в глазах стража порядка, он сказал:

— Выпустим, выпустим, не переживай.

Но я ему уже не верила и буркнула:

— Когда, лет через десять? — Слезы куда-то делись, и я повысила голос: — Ну уж нет. Арестовывайте меня!

— Да вот сейчас и выпустим. — Он посмотрел на допотопные часы, висевшие на стене. — Уже скоро. Неужели ты всерьез думаешь, что мы преступника от жертвы розыгрыша не отличим? Вот такое представление о населении о работниках полиции?

Что? Мне понадобилось несколько мгновений, чтобы понять сказанное.

— Так вы его и собирались отпустить? — ахнула я.

— Конечно.

— А что ж вы мне битый час голову морочите? — Теперь кое-какие претензии к правоохранительным органам появились уже у меня.

— А это, красавица, чтобы ты раз и навсегда запомнила: с терроризмом шутки плохи.

Ну, это я уж точно запомню. Намертво! Однако как только я узнала, что моему боссу опасность уже не грозит, мысли потекли совсем в другом направлении...

— Ой, — спохватилась я и тоже посмотрела на часы, — а не могли бы вы выпустить его не сразу... хотя бы минут через десять. Если честно, не очень хотелось бы с ним сейчас встречаться. Думаю, он несколько... не в том расположении духа.

Полицейский негромко рассмеялся в гусеничные усы.

— Давай беги! Прячься, бывший секретарь.

Я уже собиралась в точности выполнить это распоряжение, когда железная дверь отворилась и молодой человек в полицейской форме вывел из нее того, кого сейчас я больше всего боялась увидеть, — Вячеслава Павловича.

Скрыться с места преступления не удалось. Я посмотрела на него и залепетала, путаясь в словах:

— Простите, пожалуйста, я... я... Я все объясню, я не хотела.

Синие глаза метали молнии, брови грозовой тучей сошлись на переносице, расчертив высокий лоб суровой вертикальной складкой. Босс был в гневе. И вообще напоминал какого-нибудь воинственного греческого бога, готового прямо сейчас спуститься с Олимпа и превратить в руины пару-тройку городов. Просто потому, что день не задался.

Он окинул меня тяжелым взглядом и сказал:

— Уйдите с глаз долой, Стрельцова! Иначе меня сейчас придется туда вернуть, и теперь уже за дело.

Мне не нужно было повторять. Выскочив из полицейского участка, я со скоростью ветра помчалась по улице, распугивая одиноких прохожих. Единственный вопрос, который меня волновал, — выходить завтра на работу или уже не надо? На душе было невыразимо горько. Мне совсем не хотелось, чтобы босс думал обо мне плохо.

Япроснулась в самом мрачном расположении духа, ясно и четко осознавая, что сходить на работу все-таки придется. Не хватало еще к списку моих прегрешений добавить прогул. А если даже и не прогул, если меня уже уволили... Все равно нужно забрать трудовую книжку, подписать обходной лист, или как там его называют, а может, даже вернуть аванс, который мне так и не удалось потратить на взятку.

Печально вздохнув, я поплелась собираться.

Звонкая трель расколола тишину, когда я уже за-пирала квартиру. Я дернулась, выронила ключи и, чертыхаясь, полезла в сумочку за телефоном.

Меньше всего мне хотелось сейчас с кем-то разговаривать. Особенно с этим человеком.

Но не снять трубку совершенно невозможно. Он решит, что со мной что-то случилось. Впрочем, возможно, он и так в курсе, что случилось.

— Привет, пап, — пролепетала я еле слышно и зажмурилась.

Сейчас начнется!

— Доброе утро, дочка. Как ты там, на новом месте?

Ого! Судя по тону, он еще не знает о моих подвигах.

— Ну-у-у... — проблеяла я, сильно сомневаясь насчет доброты сегодняшнего утра. — Неплохо.

— Ты за эту работу держись! Славик — отличный парень. Он ни зарплатой не обидит, ни притеснять особо не станет. Ну, и ты тоже будь на высоте, не подведи меня!

— Да, папочка, конечно... — кисло пробормотала я, попав наконец ключом в замочную скважину и запирая дверь.

Уже подвела. Но признаваться в этом вот так вот на ходу, по телефону, было бы глупо. Верно же? Лучше при личной встрече. Как-нибудь потом.

— Но это же все равно временная работа, — попыталась я забросить удочку и начать подготовительные работы к будущему серьезному разговору.

Рано или поздно отец все равно узнает о том, на какой высоте я на самом деле оказалась. Но он словно не услышал, что я ему сказала, или услышал как-то не так.

— Да брось, его секретарь не на две недели в Сочи уехала, а в отпуск по уходу за ребенком ушла. Это о-го-го сколько времени! Ты как раз успеешь себя проявить. А пока она вернется, глядишь, в журналисты выбьешься. Кухню-то всю изнутри узнаешь, как мечтала. Да что я тебе говорю, сто раз уже это обсуждали.

— Да, папуль, конечно, так и будет, — согласилась я, вложив в голос как можно больше оптимизма. Но добавила: — Хотя, возможно, журналистика — не совсем уж и мое.

Да-да. Кажется, мое — это попадать в самые нелепые ситуации. Отлично у меня выходит. На том конце провода рассмеялись.

— Придумаешь тоже, ты же с детства мечтала!

Ну да, мечтала. С детства. Еще немного — и зареву. Все вчерашние неприятности неожиданно обрели материальную форму и заворочались в горле комом. Продолжать разговор стало проблематично, поэтому я торопливо выпалила:

— Прости, папуль, поговорим позже, я уже опаздываю!

И это было чистой правдой. Я поскакала вниз по лестнице, на ходу заталкивая телефон в сумку и старательно отгоняя мысли о ближайшем будущем. Я действительно с детства мечтала быть журналистом, но теперь вот выяснила опытным путем, что на самом деле они страшные люди. Никто же не думает, что чудесная идея с водяным пистолетом, мукой и совершенно повернутым на безопасности охранником Тетеркиным пришла в голову мне?!

Вернее, не так. Пришла она, конечно, мне. Но не с бухты-баракты и не просто так. И не потому, что я сплю и вижу, как напакостить Вячеславу Павловичу.

Нет, дорогие коллеги отнеслись ко мне со всей душой и даже поведали — строго по секрету, конеч-

но, — об одной корпоративной традиции. Оказалось, что каждый новичок обязан разыграть босса. Тот, кто этого не сделает — да так, чтобы босс до последнего о розыгрыше не догадывался, — типичный неудачник и в глазах Вячеслава Павловича навсегда останется заурядной личностью без малейших признаков креативности. А заурядным личностям, как известно, в журналистике делать нечего.

Дальше уже пошло само собой. Когда Тетеркин в пятый раз обыскал меня на входе и выходе и разочарованно вздохнул, творческая мысль заработала в очень опасную сторону. А что он будет делать, если и вправду что-то найдет? Да не у меня, а у самого главного человека в этом здании?

И результат оказался... В общем, так себе результат.

Кто ж знал, что этот терминатор с каменной мордой не заряжается от сети, а как самый обычный человек уходит пить чай?

Я остановилась перед дверью в приемную, просто чтобы перевести дыхание. Я даже не пыталась представить, что меня там ждет.